

Утренний выпуск.
Объявление за строку вспом. или
всмы. сою место въ Латвіи въ токсъ 1 л.
40 с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Без загранпаспорта 10 змер. шент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (ул.
Шерк.) Тел.: ред. — 21219, гор. ход. —
21733 и 21334, воч. редакц. — 21334.
Главные конторы и экспедиція Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21030, телеф. рабочаго отъла 21225.

СЕГОДНЯ

№ 298.

11-й г. изд.

Воскресенье,
27 октября 1929 года.
Цѣна номера въ Латвіи 16 сант. 8 р.
въ Литве за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 80 грош., за утр. 40 грош. за воскр.
45 грош. Подп. пл. на „Сегодні“ въ иль-
ицѣ (за 7 вон. въ вел.) въ Латвіи 3 л. 50 с.
(175 р.), загр. 5 л. 20 с. (260 р.) или 1 змер. пола.
Подп. пл. на „Сегодні“ и „Сегоднія
Вечеромъ“ (13 вон. въ вел.): въ Латвіи
5 л. 75 с., загр. 8 л. 50 с. или 1.70 змер. пола.

Можно ли предвидѣть свою смерть?

Смерть другого человека, значит, никогда предвидѣть возможно.

Ну, а свою собственную?

Автор «Хекова» отрицать это очень решительно.

Слѣдователь рассказывает врачу случай, какъ интеллигентная дама умерла «безъ всякой видимой причины именно въ назначенный ею день».

— «Нѣтъ! Жизнѣи безъ причинъ, — сказала докторъ. — Есть смерть, значитъ есть и причины... Надо было вскрыть ее...»

— «Затѣмъ?»

— «А затѣмъ, чтобы узнать причину смерти. Не есть предпосылокъ же своего она умерла. Отправилась, по всемъ извѣстиямъ.»

Изъ дальнѣйшаго рассказа выясняется, что дама дѣйствительно отравилась морфиномъ, по давно залѣтному намѣрѣ, разочаровавшись въ вѣрности мужа. («Слѣдователь»).

Такъ говорить писатель-врачъ.

Но не могъ глубокий наблюдатель жизни, писатель-мистикъ, Н. С. Лѣськовъ совсѣмъ иного мнѣнія:

— «Мѣтъ на дамо сашьтъ ясно, но Гоголь слышалъ частъ своей смерти.

— «Гоголь, вѣдь, какъ извѣстно, помѣшился предъ смертью... — замѣтилъ Горлановъ.

«Водоліюзъ» улыбнулся.

— «Вамъ это извѣстно, что она помѣшилась?»

— «Говорятъ.

— «Однако, все обмылось такъ, какъ она смылась.

— «Случай.

— «Но этимъ случаемъ числа нѣтъ», — (На позатахъ).

Если-бы возможно было рѣшить вопросъ количественнымъ доказательствомъ, то Лѣськовъ побѣжалъ бы къ Чехову. Но, какъ изъ тысячи крошки можно сѣять изъ одной ложи, такъ и здесь изъ тысячи примѣровъ нельзя вывести общего правила. Съ другой стороны, категорическое утвержденіе Чехова слишкомъ смѣло. Пожалуй, онъ и самъ не написалъ бы телъ своему «Слѣдователю» съ такой решительностью. Вѣдь при его жизни изученіе гипноза было еще въ пеленкахъ, а самовнушеніе смерти въ состояніи сдѣлаться смертельнымъ и оправдаться въ точный или приблизительный срокъ, — этому, праѣ Лѣськовъ, дѣйствительно «случаямъ числа нѣтъ». Пожалуй, побѣжали бы изъ своей памяти выкинуть изъ нея какъ либо болѣе или менѣе подходящій примѣръ, и сиѣююю

и большинство примѣровъ свидѣтъ въ обстоятельствахъ, нюансами которыхъ всякая возможность морфіи или иного смертного средства, потому, что умираютъ не предъказано, обыкновенно, люди очень религиозны и считаются самоубѣщество за тѣжкій грѣхъ. — даже плоха новысино. Если бы эти глаголы тоже стрѣльбы, ни русская литература, ни величие Гоголя не подтвердили бы оттого ни малѣйшаго утѣшения. Напротивъ, скорѣе выпадали бы. Да и знаменитыя «Переписка съ друзьями» и «Авторская Исповѣдь», такъ-умножившіе Гоголя въ глазахъ его интеллигентныхъ современниковъ (дало-но не только передовѣлью?), оставляя совершенно въ сторонѣ учительную тенденціонность этихъ писаній, на которую, собственно, и вѣзвалъ сопрѣеменность, трудно защищать ихъ даже, какъ «литературѣ»: скучно, надуто, мысль жалкая, логика формальна, языкъ искусственный, напряженный, ся сутяжъ».

Очень же, удачные предсказатели своей сроочной смерти люди или очень нюансные, или болѣзенные, перво-истощенные, либо перво-напряженные до хронического истоща. Къ числу послѣднихъ принадлежали, конечно, и Гоголь. Сумасшедшими предъ смертью, онъ, можетъ быть, не былъ, — неизвѣдѣ же признакомъ сумасшествія объявляется повышеніе религіозности въ человѣкѣ, вообще религіозность и разочарованіе его въ самомъ себѣ! — но несомнѣнно, что былъ болѣзненно возбуждѣнъ, напуганъ и очевидъ истина посты, въ которыи предсказателъ использовалъ непосредственно.

Пришло отмѣтить, какъ доказателемъ акты сумасшествія, знаменитое сожженіе Гоголемъ второй части «Мертвыхъ душъ». А что, если эта «Мертвыхъ душъ» не была, — а, можетъ быть, глубокой авторской соизволительности и добросовѣстности?

Тогда тѣль тому назадъ, въ свою «Россию», я быjakъ смылся быъ сказать мнѣніе, за которое не могъ быть стыдно живущему въ своей собственной реальности. А уѣхъ чужими, что досталось принадл.: Мнѣ же ясно было и есть тащъ Гоголь, какъ-точко очевидъ умныи и тонкии человѣкъ, какъ-точко очевидъ мнѣніе и способъ смерти своей смерти.

Нѣтъ ничего удивительного въ томъ, что тѣль остро подогнанный «сенинти», всѣмъ-былью опасныи, подъ вѣнцемъ слуховой галлюцинаціи или сновидѣнія, икою о близости своей смерти тѣкому, то предѣлъ времени или въ какой-то бытовой обстановкѣ (указаніе времени часто замѣщается указаниемъ места) способенъ развать то ожиданіе по роковой силѣ косвеннаго психическаго самоубѣщество: я, предзапасленыи ожиданіемъ момента. Это особенное часто наслѣдуется тамъ, гдѣ проявляется благочестивое **христіанскій смерть**.

Въ лѣтописяхъ любаго монастыря

а не Гоголемъ, съ позволеніемъ сказать, прямымъ словомъ, «исповѣдываться».

Вѣдь, какъ ни однолюбностю, предъ великими историческими авторитетомъ Гоголя, но нельзѣ же не со-знатъ, что въ сохранившихся отрывкахъ второй части «М. Д.» линия очень немногой страницы поднимается до уровня первой части (Петръ Петровичъ Пѣтровъ, генералъ Беттишевъ), а въ общемъ она очень плоха. А, какъ скрою на скрѣпѣ благородѣльной откупщика Мурзова, великоудиниши генералъ — губернаторъ, эфирная Ульяна Костаки-жко... — даже плоха новысино. Если бы эти глаголы тоже стрѣльбы, ни русская литература, ни величие Гоголя не подтвердили бы оттого ни малѣйшаго утѣшения.

Напротивъ, скорѣе выпадали бы.

Лицо, въ которомъ Пульхерия Ивановна угадала свою смерть и немедленно приступила къ словесному завѣщенію, возражая на уговоры испуганного Аѳанасія Ивановича:

— «Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я

иѣ знаю, когда моя смерть».

И въ нѣсколько дней умерла, какъ погасла.

Аѳанасій Ивановичъ?

Гулъ въ саду, «онъ вѣдь умретъ»,

что позади его пронеслось кого-то довольно язвительныи голосомъ: «Аѳанасій Ивановичъ! Онъ обобо-ти, но никако сопрѣеменено не было...»

и т. д. «Онъ на минуту замутился, лицо его какъ-то оживилось, и онъ, нако-нецъ, пронеслось: «Это Пульхерия Ива-новна зоветъ меня!»

Слегъ и умеръ.

Вспомнили слѣдующее затѣмъ раз-сужденіе Гоголя о таинственномъ «поло-жествѣ» называемъмъ вѣсъ по имени, который просторождѣнъ объясняютъ, что душа стосковалась за человѣкомъ, и призываютъ его, и послѣ-го слѣдуетъ неминимо «смерть».

Вспомнили признаніе Гоголя, что онъ «дѣлаетъ часто сильнѣе этого по-лѣтъ... — и съ какими паническими ужасами! Мудрено ли, что, человѣкъ, способный къ такому острому мисти-ческому переживанію, исполнить его слова уже въ болѣй прошлѣвремен-ной старости, находить въ немъ свой смертный конецъ?»

Очень, многое вѣяніемъ случается, привѣтствіемъ смерти посыпать Тур-геневъ.

Въ «Живыхъ Монахахъ» катѣка Лу-коря получаетъ во снѣ отъ «всей смерти», привѣтствіемъ вѣзти ее въ видѣ ботомокъ, обѣщаніе взять ее «послѣ Петровокъ». «Нѣсколько недѣль спу-сти, я узналъ, что Лукоря скончалась. Смерть пришла такъ за нею... и «слѣдъ Петровокъ».

Въ «Бѣжинъ Лугъ» Павлуша слѣ-питъ изъ воды голость утонувшаго мальчика — пріятеля: «Павлуша, а Пав-луша, поди сюда... Тоже зову смерть...» Въ томъ же году Павла не стало. Онь не утонулъ: онъ убился, удавилъ съ ло-шадью.

Въ «Старыхъ портретахъ» кнѧзь Л. привѣтствующий Алексѣя Серебрякова. Тѣстя, онѣзѣль, вѣзданіе, просить, послать за свидѣніемъ, потому что, видѣть свою смерть. — «Какъ же ты ее видѣлъ? Какова она изъ себя? Съ косомъ, что ли?» — «Нѣтъ, — струнушка

простынка, въ кофѣ, только на лбу погладъ одинъ — а глазу тому и вѣку кѣтъ...» И на другой день кнѧзь Л. дѣствительно скончалась, совершивъ все должное и простишись со всеми, взорумъто и умилено — «Вѣтъ та и я умру» — замѣтилъ, сказавъ, Алекѣй Серебряковъ. И точно: пѣтъ, подобное съ нимъ случилось...»

На 88 годъ отъ похода сианзидъ по-чудилось этому Алексѣю Серебрякову: «— Смотри, въ тебѣ душа на поти-мужи ноги — да и покончо! — На руки — и бѣху чужое! Помогиѣтъ на брохо-и вѣху чужое! Значитъ: чужой: за поломъ; а полъ — уложи меня на постелю мо-стѣ, которой я ужъ не встану!»

Это пережито этого живаго чуда на смерть, которое заставляетъ состарѣвшіеся зѣбрь удаляться въ какихъ-нибудь дѣмбы дѣмбы и исчезать въ вѣтви. «Зѣбрини кладбища», «сло-вонъ кладбища» — не мифы.

Не только въ монастыряхъ, но и среди благочестивыхъ русскихъ мирянъ держится убеждѣніе о необходимости иметь счастъ для человѣка умереть въ пасхальную ночь, душа его получаетъ, не выжидавъ Страстнаго суда, прощеніе всѣхъ грѣховъ и идетъ прямо въ рай. Нѣкоторые распространяютъ это лѣтъ на сорокъ днѣй до праздника Вознесе-ния. Меня когда-то интересовалъ въпростъ, много ли извѣстно такихъ счастъ. Извѣщъ. Она не тѣль рѣкъ въ осо-бенности между монастырями и священни-ми королией жизни, аскетами по при-званию и убеждѣнію. Можно думать, что болѣгомъ благочестивыя подгото-вляютъ къ кончику, помимо недуга, из-нурительный Великій Постъ, въ осо-бенности же послѣ съ горючимъ экстазомъ распинающіемъ Страстногъ Нѣльѣвъ. А пылкое желаніе отйти изъ сего мира въ лучшій именно въ Святыи ночь раз-виваетъ энергии самовнушенія до тон-какъ я вѣзаѣтъ выданіемъ свѣтлого са-мобудѣнія помѣхъскимъ, возглѣтѣ-емъ. Это своеобразная русская форма «свѣтозанія». Такъ скончалась кроткій Поникъ, отецъ Захарія въ «Собори-наль» Ільсково, такъ скончалась поэти-рерялникъ Николай, «имѣшій лѣть академистъ писать», въ чиномъ раз-сказа-їи Чехова «Святыю Ночью».

Какъ ни удивительны случаи предвидѣнія естественной смерти, имъ все-же можно найти естественное же объ-ясненіе, хотя, можетъ быть, не безъ условий допущеній, настѣнѣ. Но случаи предвидѣнія смерти насыщены престранствомъ собою замѣд-ливъ, ихъ не мало и въ исторіи, и въ легендахъ. Но это особая тема, которую надо и обсуждать особо.

АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВЪ.